

Научная статья
УДК 343.102
DOI: 10.25683/VOLBI.2024.67.1010

Nadezhda Porfirievna Bukharina
Postgraduate of the Department of Criminal Procedure
and Criminalistics of the Law Institute,
field of training 40.06.01 — Jurisprudence,
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation
buharina.np@yandex.ru

Надежда Порфирьевна Бухарина
аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юридического института,
направление подготовки 40.06.01 — Юриспруденция,
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Российская Федерация
buharina.np@yandex.ru

СЛЕДСТВЕННЫЕ ОШИБКИ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Аннотация. Статья посвящена изучению наиболее распространенных следственных ошибок при установлении признаков специального субъекта преступлений коррупционной направленности. На основе контент-анализа материалов судебной практики автор выявил, что в структуре следственных ошибок в применении уголовного закона наибольший удельный вес имеют ошибки при установлении конструктивных признаков должностного лица. Также нередко при выявлении признаков специального субъекта возникают ошибки в установлении объема фактических полномочий, использование которых обусловило совершение преступления коррупционной направленности. Особенно часто ошибки возникают при расследовании преступлений, совершенных в сфере образования. Среди возможных источников ошибок названа неопределенность, связанная с интерпретацией педагогической деятельности через категории уголовного закона и уголовно-процессуального законодательства, а также выступающая следствием разных подходов правоприменителей к содержанию признаков специального субъекта преступлений коррупционной направленности в сфере образования. Среди источников следственных ошибок также можно назвать формальный подход к выявлению объема должностных полномочий. Результатом анализа

судебной практики и положений доктрины явились выводы автора о том, что предупреждение следственных ошибок возможно посредством наиболее полного выявления и описания в процессуальных актах предварительного расследования признаков организационно-распорядительных полномочий должностного лица — педагога: юридически значимые действия; официальный документ; правовые последствия; возможность принятия педагогом юридически значимого решения на момент совершения преступления. Предупреждение следственных ошибок, связанных с неправильным установлением объема должностных полномочий, может быть основано на более детальном изучении должностных инструкций, приказов о возложении дополнительных обязанностей, локальных актов организации, регулирующих организационно-распорядительные правоотношения.

Ключевые слова: следственные ошибки, специальный субъект преступления, ошибки в применении уголовного закона, риски следственных ошибок, должностное лицо, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации лицо, организационно-распорядительные функции, административно-хозяйственные функции, функции представителя власти, процессуальные акты предварительного расследования

Для цитирования: Бухарина Н. П. Следственные ошибки при установлении признаков специального субъекта преступлений коррупционной направленности // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 2(67). С. 281—287. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.67.1010.

Original article

INVESTIGATIVE ERRORS IN ESTABLISHING THE FEATURES OF A SPECIAL SUBJECT OF CORRUPTION OFFENCES

5.1.4 — Criminal law sciences

Abstract. The article is devoted to the study of the most common investigative errors in establishing the features of a special subject of corruption offences. On the basis of content analysis of court practice materials, the author revealed that in the structure of investigative errors in the application of the criminal law, the largest share of errors in the establishment of constructive features of a public official. Also, when identifying the characteristics of a special subject, errors often occur in establishing the scope of actual powers, the use of which caused the commission of a corruption offence. Errors are particularly common in the investigation of offences com-

mitted in the field of education. Among the possible sources of errors is the uncertainty associated with the interpretation of pedagogical activity through the categories of criminal law and criminal procedural legislation, as well as resulting from different approaches of law enforcers to the content of the signs of a special subject of corruption offences in the field of education. The sources of investigative errors also include a formal approach to identifying the scope of official powers. The analysis of judicial practice and doctrine resulted in the author's conclusions that prevention of investigative errors is possible through the most complete identification and descrip-

tion in the procedural acts of preliminary investigation of the signs of organizational and administrative powers of an official - a teacher: legally significant actions; an official document; legal consequences; the possibility of making a legally significant decision by a teacher at the time of committing an offence. Prevention of investigative errors associated with the incorrect establishment of the scope of official powers can be based on a more detailed study of job descriptions, orders on

the assignment of additional duties, local acts of the organization regulating educational legal relations.

Keywords: *investigative errors, special subject of crime, errors in the application of criminal law, risks of investigative errors, official, person performing managerial functions in a commercial or other organization, organizational and administrative functions, administrative and economic functions, functions of an authority figure, procedural acts of preliminary investigation*

For citation: Bukharina N. P. Investigative errors in establishing the features of a special subject of corruption offences. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2024;2(67):281—287. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.67.1010.

Введение

Актуальность. По данным МВД России, опубликованным в сборнике «Состояние преступности в России за январь—декабрь 2023 года», по сравнению с показателями 2022 г., на 3 % увеличилось количество выявленных преступлений коррупционной направленности.

Криминальные коррупционные отношения поражают различные сферы общественной жизни: образование, здравоохранение, природопользование, правоохранительную деятельность, жилищно-коммунальное хозяйство и т. д. Форма коррупции и сфера ее существования определяют круг субъектов коррупции. На первый взгляд отнесение того или иного субъекта коррупции к лицам, указанным в соответствующих примечаниях к статьям Особенной части Уголовного кодекса (далее — УК) РФ, не представляет особого труда — достаточно обратиться к положениям трудового договора и/или должностной инструкции. Вместе с тем изучение материалов судебной практики позволяет сказать, что значительное количество ошибок совершается именно при установлении признаков специального субъекта преступлений коррупционной направленности на стадии предварительного расследования.

Изученность проблемы. В теории уголовного процесса и криминалистики изучению следственных и судебных ошибок и, в частности, ошибок в применении уголовного закона посвящены труды А. А. Аубакировой [1], Л. А. Воскобитовой [2], А. Д. Назарова [3] и др. Исследования других авторов охватывают процессуальные следственные ошибки (см.: [4; 5] и др.) и поиск средств их исправления (см.: [6—8] и др.). Вместе с тем следственные ошибки в применении положений уголовного закона о специальном субъекте преступлений в процессуальной литературе остаются малоизученными.

В уголовном праве фундаментальные работы Б. В. Волженкина [9], А. В. Бриллиантова [10], П. С. Яни [11] внесли большой вклад в развитие учения о должностном лице как специальном субъекте преступления. Современные аспекты проблемы отнесения тех или иных лиц к категории специальных субъектов преступлений коррупционной направленности, в частности педагогических работников, освещались в научных статьях Е. П. Калиничевой [12], И. В. Чурляевой [13], В. Н. Шиханова [14] и др. Однако ученые в области материального права рассматривают исключительно вопросы квалификации преступных деяний, которыми не охватываются проблемы следственных ошибок в применении тех или иных положений уголовного закона. В этой связи установление признаков специального субъекта преступлений коррупционной направленности в контексте следственных ошибок в науке недостаточно изучено и нуждается в освещении на стыке уголовно-правовых наук.

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью предупреждения следственных ошибок при установлении признаков специального субъекта преступлений коррупционной направленности, которые наряду с субъективной стороной преступления, формой вины, мотивом и целью преступления составляют содержание виновности, как обстоятельства, подлежащего доказыванию по уголовному делу.

Научная новизна заключается в выявлении наиболее распространенных следственных ошибок, возникающих при установлении признаков специального субъекта преступлений коррупционной направленности, а также в разработке рекомендаций по их предупреждению.

Целью настоящего исследования является изучение следственных ошибок при установлении признаков специального субъекта преступлений коррупционной направленности и разработке рекомендаций по предупреждению указанных ошибок.

Задачи исследования:

- провести контент-анализ постановлений о возвращении уголовного дела прокурору, приговоров по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности за период с 2010 по 2022 г. и выявить наиболее распространенные следственные ошибки при установлении признаков специального субъекта преступлений коррупционной направленности;

- изучить положения доктрины о содержании признаков должностного лица, а также судебную практику, отражающую применение норм УК РФ о специальном субъекте преступлений коррупционной направленности, и разработать на их основе рекомендации по описанию данных признаков в процессуальных актах представительного расследования в целях предупреждения рассматриваемого вида следственных ошибок.

Теоретическая значимость исследования заключается в научной разработке содержания наименее изученных в уголовном процессе ошибок при установлении признаков специального субъекта преступления как разновидности следственных ошибок в применении уголовного закона.

Практическая значимость вытекает из необходимости разработки рекомендаций, направленных на предупреждение рисков следственных ошибок при производстве по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности.

Методологической основой исследования выступают общенаучные (анализ, синтез, обобщение), частнонаучные (формально-юридический), а также специальные (статистический, контент-анализ) методы научного познания, позволяющие всесторонне и полно изучить рассматриваемый вопрос и достигнуть научно-обоснованных результатов исследования.

Основная часть

В теории уголовного процесса и криминалистики не сложилось единообразного подхода к пониманию следственных ошибок. А. Д. Назаров предлагает считать следственными ошибками не являющиеся уголовно-наказуемыми деяниями неправильные, необоснованные действия (бездействия) субъектов следственной деятельности, направленные на достижение целей уголовного судопроизводства, но объективно препятствующие их достижению [3, с. 34]. А. А. Аубакирова под следственной ошибкой понимает добросовестное заблуждение, неправильное умозаключение следователя, которые привели или способны привести к принятию неверного решения по делу [1, с. 13]. Обобщая точки зрения исследователей, можно заключить, что следственные ошибки характеризуются следующими признаками: дефектное действие (бездействие); добросовестность заблуждения; непроступный характер; негативный результат; наличие неблагоприятных последствий. Наукой выделяются различные виды следственных ошибок, одним из которых являются ошибки в применении уголовного закона. Профессором Л. А. Воскобитовой неправильное применение уголовного связывается «с неправильным пониманием содержания нормы, неправильным толкованием уголовного закона, неправильным выбором нормы, наиболее соответствующей установленным фактическим обстоятельствам дела и т. п.» [2, с. 989]. Необходимо отметить, что в работах ученых-процессуалистов ошибки в применении уголовного закона остаются наименее изученными по сравнению, например, с процессуальными ошибками.

Проведенный автором контент-анализ постановлений о возвращении уголовного дела прокурору (автором изучено 180 судебных актов) и приговоров по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности (автором изучено 180 судебных актов) за период с 2010 по 2022 г. показал, что наиболее часто следственные ошибки возникали при установлении признаков специального субъекта преступлений в сфере образования (56,4 % случаев).

В науке проблема отнесения педагогов к категории специальных субъектов преступлений носит дискуссионный характер. Ряд исследователей придерживается позиции, что педагоги наделены организационно-распорядительными полномочиями. Среди таких полномочий называют выставление семестровых и итоговых оценок по дисциплинам. Профессор Б. В. Волженкин отмечал, что педагогический работник может быть признан должностным лицом не только в случае его участия в работе государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии, но и при осуществлении промежуточной аттестации обучающихся [9, с. 117, 121—122]. Ученый указывал, что «от результатов экзаменов зависит возможность поступления в учебное заведение, право обучающегося продолжать учебу, получать стипендию, наконец, получить свидетельство об окончании учебного заведения и т. д.» [9, с. 122]. Схожую точку зрения высказывали А. В. Бриллиантов и Е. Ю. Четвертакова [10, с. 50—68], Л. А. Букалева [15, с. 93].

Е. П. Калиничева занимает иную позицию, согласно которой педагогические работники являются должностными лицами исключительно во время итоговой аттестации обучающихся. Свою точку зрения она обосновывает положениями Постановления Пленума Верховного суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике

по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», согласно которому наличие организационно-распорядительных функций у педагогов связывается с осуществлением полномочий члена государственной экзаменационной (аттестационной). Иные же виды педагогической деятельности: прием экзаменов, зачетов, курсовых работ — необходимо признавать сугубо профессиональной деятельностью, не имеющей организационно-распорядительного характера [12]. Согласимся с мнением автора, что получение неудовлетворительной оценки на экзамене, зачете само по себе не влечет наступления неблагоприятных правовых последствий в виде недопуска к экзаменам, отчисления из образовательной организации и т. д., т. к. существует возможность передачи другому преподавателю, комиссиянная передача и др. В. Н. Шиханов, например, предлагает разграничивать профессиональные и служебные полномочия педагогов по признаку выполнения обязанностей по удостоверению юридических фактов, которые порождают юридические последствия в виде возникновения, изменения либо прекращения правоотношений [14].

В науке существует и другая, прямо противоположная точка зрения, согласно которой педагогические работники не должны признаваться должностными лицами в силу отсутствия у них организационно-распорядительных полномочий при осуществлении педагогической деятельности. И. В. Чурляева считает ошибочным наделение педагогов статусом должностного лица. По мнению автора, педагогическая деятельность по контролю и оценке знаний обучающихся представляет собой разновидность профессиональной деятельности, которая не порождает возникновение каких-либо прав и обязанностей у ее участников, а также не является актом управления [13]. Действительно, согласно правовой позиции Конституционного суда РФ, изложенной в Постановлении от 27 декабря 1999 г. № 19-П, не обладают ни организационными, ни распорядительными полномочиями в отношении студентов лица, замещающие следующие должности педагогических работников: заведующий кафедрой, декан, профессор, старший преподаватель, доцент, преподаватель, ассистент, — вследствие чего не могут быть отнесены к категории должностных лиц.

Таким образом, неопределенность, связанная с интерпретацией педагогической деятельности в уголовно-правовой и уголовно-процессуальной плоскости, выступает источником следственных ошибок при установлении и описании признаков специального субъекта преступления.

Признаки должностного лица и лица, осуществляющего деятельность по управлению коммерческой и иной организацией, раскрываются в практикообразующих судебных актах через характеристику функций указанных субъектов. Пункты 3—5, абз. 3 п. 11 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 раскрывают содержание исполняющих функций представителя власти, организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций, а также управленческих функций уполномоченных лиц организаций частного сектора.

Анализ правовой позиции Пленума Верховного суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 в совокупности с положениями Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, а также требованиями профессиональных стандартов в области образования позволяет сказать, что педагогические работники не наделены административно-хозяйственными полномочиями

и не могут быть отнесены к представителям власти. Вместе с тем в правоприменительной практике можно встретить спорные формулировки. Например, в практике судов по уголовным делам Алтайского и Красноярского края нередко указывалось, что педагогические работники наделены распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной или иной зависимости, т. е. обучающихся. К примеру, приговором Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 15 июня 2012 г. Н. была признана должностным лицом по признаку осуществления организационно-распорядительных функций в отношении лиц, не находящихся от нее в служебной и иной зависимости. При этом указанные функции раскрывались в судебном решении посредством описания трудовой функции по контролю успеваемости, оценке уровня знаний, а также проведению промежуточной аттестации в форме зачета. В рассмотренном примере фактически обосновывается осуществление педагогическим работником организационно-распорядительных полномочий через характеристику исполняющих функций представителя власти (п. 3 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19).

Приведем еще один пример описания полномочий педагога из приговора Советского районного суда г. Красноярска от 12 августа 2015 г.: П., занимая должность преподавателя и руководителя физического воспитания осуществлял организационно-распорядительные функции в отношении обучающихся и находящихся в служебном подчинении преподавателей, поскольку обладал полномочиями по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия, в силу чего являлся должностным лицом. Однако из судебного решения следовало, что П. совершил ряд эпизодов преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 290 УК РФ как преподаватель дисциплины во время промежуточной аттестации. В этой связи представляется спорной формулировка, указывающая на выполнение подсудимым организационно-распорядительных функций в отношении обучающихся, а тем более подчиненных преподавателей.

В рассмотренных примерах должностные обязанности педагога раскрыты путем указания на осуществление властных полномочий в отношении обучающихся. С указанной позицией нельзя согласиться по причине того, что для организационно-распорядительных функций характерно их существование в сфере подчинения одних работников другим, а также взаимосвязь с упорядочиванием, регулированием, координацией совместной деятельности, что, по нашему мнению, отсутствует в отношениях «педагог — обучающийся». Нельзя отнести педагогов также и к представителям власти по причине того, что в образовательных отношениях отсутствует обязательность исполнения требований педагога, обеспеченная принудительной силой государства. Однако в науке существует точка зрения, согласно которой педагог, выполняющий должностные обязанности в организации, оказывающей публичные услуги, выступает представителем власти [16, с. 65]. По нашему мнению, властные и образовательные отношения имеют разную правовую природу. В научных исследованиях отмечается, что образовательные отношения не могут быть отнесены ни к административным, ни к гражданско-правовым [17, с. 73—78]. В отличие от властных образовательные отношения не могут быть определены как отношения власти-подчинения, напротив, для образовательных отношений свойственно совпадение управомо-

ченной и обязанной сторон, характер взаимодействия между которыми тяготеет к отношениям координации.

Приведенные формулировки судебных решений, таким образом, могут свидетельствовать о неточностях в доказывании признаков специального субъекта преступления, имевших место еще на стадии предварительного расследования. В силу того, что ошибки в квалификации деяния являются одним из оснований возвращения уголовного дела в порядке ст. 221, а также ст. 237 (в случае наличия препятствий для рассмотрения уголовного дела судом) Уголовно-процессуального кодекса РФ, раскрытием особенности признаков специального субъекта преступления — педагогического работника.

В науке отмечается, что для отнесения педагогических работников к категории должностных лиц необходим ряд условий: во-первых, «обладание правом совершать по службе юридически значимые действия, способные породить, изменить или прекращать правовые отношения...» [9, с. 55], во-вторых, наличие права «выдавать официальные документы от имени государственного или муниципального учреждения, подтверждающие определенный юридический факт, и тем самым как-то организовывать, направлять поведение других лиц, для которых этот акт (документ) имеет юридическую силу» [9, с. 118], и, в-третьих, наличие предусмотренных законом, подзаконным актом обстоятельств для совершения юридически значимых действий [10, с. 55].

Юридически значимые действия педагога объективируются в конкретное решение, например в выставление оценки, которое имеет определенную внешнюю форму существования, к примеру в виде записи в официальном документе. В этой связи определенные сложности возникают при установлении перечня документов, которые могут быть отнесены к числу официальных в образовательных организациях. Указанный вопрос тесно взаимосвязан с проблемой определения предмета преступления, предусмотренного ст. 292, 327 УК РФ. Понятие «официальный документ» уголовным законом не определено. Научкой выработан ряд признаков, позволяющих отнести тот или иной документ к числу официальных: соответствие по форме и содержанию требованиям нормативных актов; признак материальности, выражающий функцию носителя событий или фактов; связь с субъектом — источником документа; способность иметь юридическое значение и определять правовой статус лица [18; 19; 20, с. 15—17]. В Определении Конституционного суда РФ от 19 мая 2009 г. № 575-О-О указывается, что ответственность за подделку официальных документов вытекает из оценки содержания такого документа, который в обязательном порядке должен предоставлять субъекту определенное права либо освобождать его от обязанности. При этом форма такого документа имеет в данном случае второстепенное значение.

Контент-анализ судебной практики показывает, что в сфере образования к официальным документам относят: зачетные книжки и экзаменационные ведомости. Помимо указанных в данную группу документов также можно включить: экзаменационные листы, протоколы ГЭК (ГАК), протоколы проверки (перепроверки) экзаменационных работ ЕГЭ, экзаменационные материалы ЕГЭ, классный журнал, в т. ч. электронный.

Следующим конструктивным признаком организационно-распорядительных функций выступают юридически значимые последствия. Как уже отмечалось, в науке

и правоприменительной практике к таким последствиям относят отказ в назначении стипендии, академическую задолженность, отчисление из образовательной организации и т. д. При этом необходимо отметить, что практически невозможно перечислить все виды правовых последствий. Полагаем, что ключевым при отнесении тех или иных последствий к числу юридически значимых выступает их возможность предоставлять субъектам отношений права, освобождать от обязанностей либо, наоборот, возлагать обязанности. Например, несдача зачета, экзамена возлагает на обучающегося, согласно ч. 3 ст. 58 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», обязанность по ликвидации академической задолженности. Успешное прохождение обучающимся текущей либо промежуточной аттестации, в свою очередь, предоставляет право перевода на следующий курс, в следующий класс, на академическую стипендию и другие права, предусмотренные ст. 34 указанного федерального закона. В ходе проведения учебных занятий, а также контактной работы с обучающимися (объяснение материала, консультирование и др.) педагог выполняет исключительно профессиональные функции, что, по нашему мнению, исключает его ответственность за получение взятки.

Несколько иная ситуация складывается, на наш взгляд, в отношении педагогов общеобразовательных организаций. Так, видимо, можно считать, что указанные субъекты выполняют организационно-распорядительные функции не только в рамках промежуточной и итоговой, но и текущей аттестации обучающихся. Данный вывод обусловлен изучением массива положений о текущей аттестации обучающихся, согласно которым итоговая оценка по предмету представляет собой среднее арифметическое четвертных, полугодических отметок. Четвертные и полугодические оценки, в свою очередь, складывается из текущих оценок за четверть, полугодие. В этой связи необходимо отметить, что выставление педагогом оценок в классный журнал должно расцениваться в качестве юридически значимых действий, влекущих юридически значимые последствия.

Таким образом, описание признаков специального субъекта преступления в процессуальных актах предварительного расследования должно раскрывать осуществление педагогом организационно-распорядительных полномочий, использование которых обусловило совершение преступления коррупционной направленности. Данные полномочия целесообразно изложить путем указания на принятие конкретного юридически значимого решения, а также официального документа, в котором оно нашло свое отражение, и юридически значимых последствий, возможность наступления которых предусмотрена соответствующим законом, подзаконным актом либо локальным нормативным актом образовательной организации.

Важно отметить, что возможность принятия педагогом юридически значимого решения на момент совершения преступления должна быть юридически закреплена. Например, мастер производственного обучения Ф. был ошибочно признан органами предварительного следствия должностным лицом. Суд, принимая решение о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ, указал, что ссылка на должностную инструкцию и указание на возможность выполнения подсудимым в будущем полномочий члена ГАК не доказывают наличие признаков специального субъекта (постановление Советского районного суда Став-

ропольского края от 6 августа 2014 г.). Необходимо отметить, что позднее действия Ф. были переквалифицированы в мошенничество с использованием служебного положения. Анализ судебной практики показывает, что возвращение уголовного дела прокурору как процессуальное последствие ошибки в применении уголовного закона на стадии предварительного следствия чаще всего (21,8 % случаев) наступает в связи с необходимостью изменения квалификации со ст. 290 УК РФ на ст. 159 УК РФ. В научной литературе справедливо отмечается, что ответственность за взятничество наступает только в случае, если используемые при совершении деяния полномочия были возложены на педагога соответствующим приказом по организации [11]. В этой связи отметим, что нормативно-правовыми основаниями для совершения юридически значимых действий (процедура приема экзамена, зачета, защиты курсовой работы, выставления четвертных, годовых оценок и т. д.) может выступать не только Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 58, 59), подзаконные нормативные акты, но и достаточно большая совокупность локальных актов образовательных организаций (например, положения о текущей, промежуточной, итоговой аттестации, приказ о возложении дополнительных обязанностей, приказ о включении в состав комиссии, органов управления образовательной организации и пр.), а также трудовой договор педагогического работника.

Анализ правоприменительной практики показывает, что нередко на стадии предварительного расследования допускаются ошибки, связанные с неправильным установлением объема полномочий исходя из наименования должности подозреваемого (обвиняемого). Например, М. приговором Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 29 марта 2013 г. была оправдана по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 290 УК РФ, в связи с тем, что на момент совершения инкриминируемого ей деяния не являлась специальным субъектом преступления. По версии следствия М., занимая должность заведующей общежитием, выполняла «организационно-распорядительные», а также «административно-хозяйственные функции». Используя должностные полномочия М. получала незаконное вознаграждение за вселение в общежитие. При рассмотрении уголовного дела по существу выяснилось, что М. фактически исполняла соответствующие приказы ректора о заселении путем выдачи пропуска, определения комнаты для проживания студента и иной организационно-административной работы. Таким образом, объем полномочий лица, которые использовались при совершении преступления, органами предварительного следствия был установлен неправильно, фактически исходя из наименования занимаемой М. должности. Соответственно, при описании признаков специального субъекта преступления важно не только отразить сведения о занимаемой лицом должности, но и установить фактический объем полномочий лица на основании тщательного анализа содержания должностных инструкций, приказов о возложении обязанностей, в т. ч. дополнительных, локальных актов организации, регулирующих образовательные отношения и т. д. При этом указание на наименование должности не должно подменять описания функциональных обязанностей.

Заключение

Установление и отражение в процессуальных актах предварительного расследования признаков специального субъекта преступлений коррупционной направленности

сопряжено с риском возникновения следственных ошибок. Наиболее подвержено риску следственных ошибок, как показало исследование, расследование преступлений коррупционной направленности в сфере образования. Контент-анализ позволил установить, что чаще всего совершаются ошибки, связанные с установлением конструктивных признаков организационно-распорядительных функций, а также с неправильным определением объема фактических полномочий и их несоответствием наименованию занимаемой должности. Как показывает практика, нередко в процессуальных актах дается

ссылка на трудовой договор либо должностную инструкцию без детального изучения обстоятельств совершенного деяния, особенностей образовательного процесса, локальных актов образовательной организации, регламентирующих неурегулированные трудовым договором служебные обязанности педагога. В целях предупреждения указанных ошибок необходимо обеспечить, чтобы установление признаков специального субъекта преступлений коррупционной направленности и их отражение в процессуальных документах не носило формальный характер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аубакирова А. А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 44 с.
2. Воскобитова Л. А. Основания отмены или изменения приговора в апелляционной инстанции // *Lex russica*. 2012. Т. 71. № 5. С. 976—991.
3. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы : моногр. М. : Юрлитинформ, 2017. 400 с.
4. Ильяхов А. А. Следственные (процессуальные) ошибки по уголовным делам, по которым предусматривается возможность их рассмотрения судом присяжных заседателей, их причины и классификация // *Расследование преступлений: проблемы и пути решения*. 2022. № 2. С. 72—78. DOI: 10.54217/2411-1627.2022.36.2.009.
5. Трубчик И. С., Усенко О. В. Следственные ошибки и проблемы их преодоления // *Вестник Дальневосточного юридического института МВД России*. 2022. № 3(60). С. 79—84.
6. Галимов О. Х. К вопросу о путях и механизме устранения следственных ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса: взгляд практика и теоретика // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2023. № 2(51). С. 50—55. DOI: 10.51980/2542-1735_2023_2_50.
7. Крамаренко В. П. Об источниках и среде формирования следственных ошибок при расследовании преступлений коррупционной направленности, совершаемых в агросфере // *Аграрное и земельное право*. 2020. № 5(185) С. 120—123.
8. Спирин А. В. О следственных ошибках и возможности их устранения в досудебном производстве // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2023. № 2. С. 52—57.
9. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М. : Юристь, 2000. 368 с.
10. Бриллиантов А. В., Четвертакова Е. Ю. Должностное лицо в уголовном законодательстве России и зарубежных стран : моногр. М. : Проспект, 2017. 192 с.
11. Яни П. С. Преподаватель в межсессионный период — не субъект получения взятки // *Закон*. 2022. № 4. С. 60—66. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-4-60-66.
12. Калиничева Е. П. Преподаватель как субъект должностного преступления // *Университетская наука*. 2022. № 1(13). С. 335—337.
13. Чурляева И. В. Преподаватель в государственном образовательном учреждении является ли должностным лицом? // *Юридическое образование и наука*. 2020. № 1. С. 27—32.
14. Шиханов В. Н. Могут ли врачи и учителя (преподаватели) нести уголовную ответственность в качестве должностных лиц: нюансы правоприменения // *Закон*. 2022. № 4. С. 77—90. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-4-77-90.
15. Букалорова Л. А., Остроушко А. В., Бакарадзе А. А. К вопросу о коррупции в системе образования в России // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2018. № 4 (51). С. 92—95.
16. Денисов Н. Л. Преподаватель высшего учебного заведения как должностное лицо // *Вестник Московского университета МВД России*. 2020. № 1. С. 64—66. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10013.
17. Сырых В. М. Образовательные услуги и образовательные правоотношения: дискуссионные взгляды и действительное содержание // *Журнал российского права*. 2010. № 4(160). С. 69—79.
18. Вишнякова Н. В. Использование поддельного и подложного документа: проблема разграничения предметов преступлений, предусмотренных частями 3 и 5 статьи 327 УК РФ // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2021. № 2(43). С. 20—29. DOI: 10.51980/2542-1735_2021_2_20.
19. Винокуров В. Н. Официальный и подложный документы как предметы преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ // *Уголовное право*. 2023. № 6. С. 3—13.
20. Баландин В. И. Подлог документов: научные основы квалификации преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2022. 23 с.

REFERENCES

1. Aubakirova A. A. Investigative and expert errors in the formation of inner conviction. Abstract of diss. of the Cand. of Law. Chelyabinsk, 2010. 44 p. (In Russ.)
2. Voskobitova L. A. Reasons for quashing or amending a criminal judgment on appeal. *Lex Russica*. 2012;71(5):976—991. (In Russ.)
3. Nazarov A. D. Investigative and judicial errors and criminal-procedural mechanism of their elimination: conceptual foundations. Monograph. Moscow, YurLitinform, 2017. 400 p. (In Russ.)

4. Ilyukhov A. A. Investigative (procedural) errors in criminal cases, which provide for the possibility of their consideration by a jury, their causes and classification. *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya = Criminal investigation: problems and ways of their solution*. 2022;2:72—78. DOI: 10.54217/2411-1627.2022.36.2.009. (In Russ.)
5. Trubchik I. S., Usenko O. V. Investigative errors and problems of overcoming them. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia*. 2022;3(60):79—84. (In Russ.)
6. Galimov O. H. To the issue of ways and mechanism of removing investigative errors at the pre-trial stages of the criminal court proceeding: practitioner's and theorist's view. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. 2023;2(51):50—55. DOI: 10.51980/2542-1735_2023_2_50. (In Russ.)
7. Kramarenko V. P. On the sources and environment of investigative errors in the investigation of corruption offences committed in the agro-sphere. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2020;5(185):120—123. (In Russ.)
8. Spirin A. V. On investigative errors and the possibility of their elimination in pre-trial proceedings. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural law institute of the Ministry of the interior of Russia*. 2023;2:52—57. (In Russ.)
9. Volzhenkin B. V. Official offences. Moscow, Yurist, 2000. 368 p. (In Russ.)
10. Brilliantov A. V., Chetvertakova E. Yu. Official in the Criminal Legislation of Russia and Foreign Countries. Monograph. Moscow, Prospekt, 2017. 192 p. (In Russ.)
11. Yani P. S. A Teacher in the Intersessional Period is Not a Subject of Receiving a Bribe. *Zakon*. 2022;4:60—66. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-4-60-66. (In Russ.)
12. Kalinicheva E. P. Teacher as a subject of official offence. *Universitetskaya nauka = University science*. 2022;1(13):335—337. (In Russ.)
13. Churlyayeva I. V. Is the Lecturer at a State Educational Institution considered an Official?. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Legal education and science*. 2020;1:27—32. (In Russ.)
14. Shikhanov V. N. Are doctors and teachers Criminally Liable as Officials: Nuances of Law Enforcement. *Zakon*. 2022;4:77—90. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-4-77-90. (In Russ.)
15. Bukalerova L. A., Ostroushko A. V., Bakaradze A. A. On the issue of corruption in the education system in Russia. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata = Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*. 2018;4(51):92—95. (In Russ.)
16. Denisov N. L. Teacher of higher education institution as an official. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2020;1:64—66. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10013. (In Russ.)
17. Syrykh V. M. Educational Services and Educational Legal Relationships: Debate Views and Actual Content. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2010;4 (160):69—79. (In Russ.)
18. Vishnyakova N. V. Use of counterfeit and forged document: problems of delimiting the objects of crimes provided for in parts 3 and 5 of art. 327 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. 2021;2(43):20—29. DOI: 10.51980/2542-1735_2021_2_20. (In Russ.)
19. Vinokurov V. N. The official and forged documents as the subjects of crime under Article 327 of the Criminal code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo*. 2023;6:3—13. (In Russ.)
20. Balandin V. I. Forgery of documents: scientific bases for the qualification of offences. Abstract of diss. of the Cand. of Law. Samara, 2022. 23 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.03.2024; одобрена после рецензирования 17.04.2024; принята к публикации 28.04.2024.
The article was submitted 24.03.2024; approved after reviewing 17.04.2024; accepted for publication 28.04.2024.